

Б. Б. Бородин

**К вопросу изучения эпистолярного наследия Ферруччо Бузони:
письма к жене за 1909 год**

Аннотация

Основу данной публикации составляют 19 ещё не публиковавшихся в переводе на русский язык писем Бузони за 1909 год к его жене — Герде Шёстранд. Это выдающиеся образцы эпистолярного жанра, в которых перед читателем раскрывается сложный внутренний мир большого художника. Содержание корреспонденции выходит за рамки частной переписки и представляет интерес для познания процессов, происходивших в европейском культурном пространстве рубежа XIX–XX веков. Письма снабжены уточняющими комментариями, помещёнными в Примечаниях.

Ключевые слова: Ферруччо Бузони, эпистолярное наследие, Герда Шёстранд-Бузони, комментарии, эстетика, история музыки, фортепианное искусство.

B. B. Borodin

**On the Issue of Studying the Epistolary Legacy of Ferruccio Busoni:
Letters to His Wife for 1909**

Summary

The basis of this publication is 19 letters from Busoni to his wife, Gerda Sjöstrand, written in 1909 and not yet published in Russian translation. These are outstanding examples of the epistolary genre, in which the complex inner world of a great artist is revealed to the reader. The content of these documents goes beyond the scope of private correspondence and is of interest for understanding the processes that took place in the European cultural space at the turn of the 19th and 20th centuries. The letters are provided with clarifying comments placed in the *Notes*.

Keywords: Ferruccio Busoni, epistolary heritage, Gerda Sjöstrand-Busoni, commentary, aesthetics, history of music, piano art.

Предварительные замечания

Письма Ферруччо Бузони — обширнейшая и богатейшая по содержанию часть его литературного наследия, в последние десятилетия активно осваиваемая зарубежным музыковедением и постепенно начинающая привлекать внимание отечественных учёных¹. Этот интерес обуславливается целым рядом факторов. Во-первых, круг эпистолярного общения Бузони включал выдающихся деятелей культуры и искусства рубежа XIX–XX веков, что уже само по себе важно для изучения процессов, происходивших в интеллектуальной жизни означенного периода. Во-вторых, частные послания Бузони нередко превращались в своеобразные эссе, в которых высказывались и развивались идеи по широчайшему спектру вопросов этической, эстетической и философской тематики, намечались направления дальнейшего развития музыкального искусства. Принимая во внимание тот факт, что даже сто лет спустя после окончания земного пути Мастера многое им созданное остаётся заметным и актуальным в современном культурном пространстве, а его пророческие идеи по большей части осуществлены композиторами XX столетия, следует признать непреходящую ценность этих документов. И, наконец, в-третьих, тексты Бузони являются великолепными образцами эпистолярного жанра, где перед читателем раскрывается сложный внутренний мир большого художника, высокообразованного человека всеевропейской культуры, безупречного профессионала, беззаветно преданного искусству.

Письма Бузони к жене — Герде Шёстранд-Бузони (*Gerda Sjöstrand-Busoni*, 1862–1956), небольшая часть которых представлена в данной публикации, занимают особое место в корпусе его эпистолярного наследия². Они отмечены исключительной искренностью тона, свидетельствующей о редкой духовной близости супругов, тонким психологизмом в передаче субъективных эмоциональных состояний странствующего артиста, меткой наблюдательностью и точной

оценкой происходящих событий. По характеристике Мартины Вайндель³, «самое увлекательное и живое в этой переписке заложено в характере мышления Бузони, которое отличается оригинальностью, проникательностью, остроумием, доброжелательностью, сердечностью, чуткостью и пониманием, а также бескомпромиссной самокритичностью» [10. S. 10]⁴.

В предлагаемой читателю подборке сохранены письма, датированные 1909 годом (от 12 января до 3 декабря). Это период, наполненный бесконечными гастрольными поездками по всей Европе — от юга до севера — и драматическими переживаниями, связанными с болезнью и смертью родителей. Но это также и пора творческой зрелости художника и мыслителя, когда уже написан и издан программный «Опыт новой эстетики музыкального искусства» — поэтический манифест освобождения композиторской мысли от любых конвенциональных форм и рутинных установок [См.: 5]. Это время широкого общественного признания выдающегося исполнительского дара Бузони (как пианиста и дирижёра), когда сам музыкант во всё большей степени начинает воспринимать концертную деятельность досадной помехой своему, как он считал, основному предназначению — сочинению музыки.

1909 год начинался стремительно. 2 января в Бетховенском зале Берлина прошёл заключительный, двенадцатый концерт симфонического цикла⁵, проводимого Бузони с 1902 года, после чего пианист отправился в очередное европейское турне. Будучи в Вене, он узнал о болезни родителей и решил съездить к ним в Триест на несколько дней. Письмом из Триеста и открывается публикуемая ниже часть корреспонденции Бузони, в которой его незаурядная личность предстаёт во всей своей многогранности.

Переводы писем Бузони осуществлялись по изданию: *Busoni F. Briefe an seine Frau. Erlenbach; Zürich; Leipzig: Rotapfel-Verlag, 1935* [4. S. 166–183]. Выделение отдельных слов курсивом везде следует этому источнику. Там, где представлялось возможным,

переводчик сохранял авторские нетрадиционные синтаксические знаки: тире между предложениями и абзацами, многоточия, тире в сочетании с многоточием и т. д. Для полноты восприятия содержания писем они снабжены уточняющими комментариями, помещёнными в *Примечаниях*.

Ферруччо Бузони [ИЗ ПИСЕМ К ЖЕНЕ]

Триест. 12 января 1909 года

Вчера море и небо лучезарно сияли, отличали лазурью и золотом, всё двигалось, трепетало, колыхалось на свежем ветру. — Сегодня же здесь всё спокойно и серо. Как бы ни был красив Триест, в его атмосфере есть что-то унылое; тут никогда не могли бы родиться новые великие мысли, и даже таланты оказываются под спудом⁶.

Я боялся сюда приезжать, тем временем мама уже вне опасности, да и папа постепенно выкарабкивается⁷...

Какое всё же скверное время, да и Австрия в целом! Я редко могу быть здесь счастлив. Слишком многое и во всех отношениях этому мешает, ко всему прочему также и эти застарелые воспоминания...

Вдобавок возникла ещё одна неприятность. Два неизвестных итальянских господина обнародовали драму «Леонардо да Винчи»!!

Конечно же, это жалкая стряпня — но моя идея опошлена, поругана. Мне очень жаль⁸...

*

[Вена], 13 января 1909 года

...Я вернулся совсем грустным. Мне становится всё более одиноко, и я радуюсь, если никто не стучится в мой гостиничный номер. Я всегда нахожу себе занятие. Сегодня я уже выполнил множество дел, в том числе отправил в Париж начисто переписанную фортепианную пьесу⁹...

*

[Вена, 14 января 1909 года]

...Я получил твоё милое письмо в Триесте, и оно было мне очень приятно...

Зрелище двух родителей в постели с испанской ширмой между ними всё ярче всплывает в моей памяти. Папа похож на трёхлетнего ре-

бёнка, и если в течение двух минут у его постели никого нет, он начинает кричать... Он ужасно бледен, низко склоняет голову и почти ничего не видит. — Доктор, сострадательная медсестра и невообразимо уродливая сиделка по очереди дежурят возле него. Кузины прилагают бесконечные усилия, особенно Каролина (она снова живёт в Триесте), чьё мастерство и терпение бесценны. — ...Погода стоит мрачная. Тем не менее во мне живёт какое-то весеннее чувство, которое невозможно подавить...

*

[Лион], 16 февраля 1909 года

...Лион красивее Милана, и меня здесь никто не знает. К сожалению, стоит суровая зима, с морозами и снегом.

Бордо — небезынтересный город. Однако культурный уровень (если вы прибыли из Парижа) очень примитивный, провинциальный. Искусство “beau parler”¹⁰ в почёте. Естественно, интересы виноделия превыше всего.

Речи, подобные следующей, доказывают и то, и другое:

“J’avais fait suivre le Lafitte au Mouton Rotschild par le respect du a son anciennete et ne voulais pas deranger l’ordre naturel, d’autant plus que le mahre (das war ich) donnait une preference legitime au Lafitte: mais – entre nous, je trouve le Rotschild superieur”¹¹.

Так сказал президент концертного общества по случаю обеда в его доме...

На концерте поразило большое количество красивых и хорошо одетых женщин. Естественно, здесь было представлено практически всё, что может предложить Бордо.

Старый музыкант, с которым я когда-то встречался у Эрара¹², человек ума, сердца и большой доброты, попросил меня провести полчаса в его доме после этого *dejeuner*...

Он живёт на небольшой круглой площади, которой, должно быть, более 100 лет, здесь стоят только одноэтажные домики; чисто и так тихо, что не видно ни людей, ни экипажей. Внутри у него очень мило и уютно. Кроме его жены, я заметил молодую женщину удивительной красоты и с изысканными манерами, одетую в глубокий траур... Это была его ученица по вокалу. И старик умоляюще, но в то же вре-

мя гордо, попросил меня позволить ей что-нибудь спеть.

Она исполнила 4–5 песен Форе тёплым, глубоким голосом, с большим чувством и вкусом и очень экспрессивной мимикой, всё в рамках благородства: образ Донны Анны из «Дон Жуана».

Эта небольшая интермедия оставила нежное, чуть ли не фантастическое воспоминание: фантастическое в том смысле, что полностью выбивается из рамок нашего времени и скорее возвращает к той эпохе, когда была построена маленькая площадь¹³...

*

Милан, пятница 19 февраля 1909 года

Словно Моисея пророки, в этом городе меня поддерживают Леонардо и В. Гюго («Лучи и тени»¹⁴ которого я нашёл в Лионе)... От Леонардо всегда можно узнать что-то новое и удивительное, его по-настоящему только открывают. Сборник стихов Гюго отличается непревзойдённой красотой языка — мысли — формы.

Неподражаемы такие строки:

“Quant au destin, n’y songez pas.
Le ciel est noir, la vie est sombre.
Hélas! que fait l’homme ici-bas?
Un peu de bruit dans beaucoup d’ombre”¹⁵.

Или, когда он говорит о детях-попрошайках:

“Leurs mains rouges étaient roses quand
Dieu les fit”¹⁶.

А также заключительные фразы, обращённые к «великому ваятелю»:

“Ge que ces hommes – là font dans l’ombre
ou défont
ne vaut pas ton regard levé vers le plafond...
Eux, esclaves des nains, toi, père des
colosses!”¹⁷.

В действительности мы едва начинаем знакомиться с записями и заметками Леонардо. Из них видно, что он предвосхитил идеи аэроплана, винта (пропеллера) и подводного аппарата.

В интересах венецианцев он намеревался регулировать реку Изонцо таким образом, чтобы

можно было создавать искусственные наводнения для сдерживания или уничтожения врага.

Ему не дали сделать ничего.

И вот я подумал, не построить ли драматическую идею на том, как все его планы один за другим терпят неудачу, как один за другим все от него отворачиваются, а «Он» оказывается всё более одиноким и изолированным, обретая при этом более высокую и свободную точку обзора, пока — с его смертью — не приходит высшая мудрость, проявляющаяся в пророчестве. — Ведь нужна не просто драматическая биография. Как ты считаешь?

Воскресенье

...Вчерашний концерт был хорош — а для публики даже слишком...

*

Генуя, 27 февраля 1909 года

...Всё путешествие — начиная с Бордо — сопровождалось холодом и снегом. Даже в Ницце шёл снег. Поезда здесь медленные, неудобные, всегда переполненные, вечно опаздывающие, багаж зачастую не доставляется...

Поездка в Ниццу и обратно впервые открыла мне побережье, которое называют Ривьерой. Несмотря на отвратительную погоду, оно показалось мне одним из самых красивых мест, которые я когда-либо видел. И я намерен когда-нибудь спокойно насладиться им вместе с тобой... Впереди — море, позади — живописные высокие горы, между ними — террасы с пальмами, лимонами и виноградниками; куда ни глянь, овеванные легендами пирамиды древних городов и освещённые солнцем виллы.

Ницца, которую мне удалось видеть лишь пару часов вечером, кажется довольно забавной, живой и склонной поддаваться самым экстравагантным наклонностям. Однако её расположение просто волшебное. Монте-Карло — если вы отправляетесь отсюда — находится перед ней, так что я смог взглянуть на это место поразительной культуры, которое природа также щедро украсила.

Генуэзцы скорее будут хвалить побережье, которое тянется отсюда до Тосканы и... (тут меня прервал импресарио, и теперь я не помню, что хотел сказать). По дороге в Ниццу мне приснился сон. Мне привиделось, что я возвраща-

юсь с ранней загородной прогулки и между 6 и 7 часами утра оказываюсь в небольшом местечке, похожем на улицу (вроде пригородного бульвара). В одном открытом окне первого этажа я увидел доктора Леопольда Шмидта¹⁸ с половинкой виолончели в руках. Инструмент был разрезан спереди назад и сверху вниз, как груша, которой поделились с соседом за столом. Когда я спросил, что он делает, доктор Леопольд Шмидт ответил: «Я изучаю происхождение музыкальных тонов». Я нахожу этот сон остроумным.

Жаль, что здесь так холодно и серо.

Я считаю, что в Италии можно давать достаточно серьёзные концерты — особенно на фортепиано — только в Риме, Болонье и Милане.

Теперь это будут следующие и последние города. Тревизо — Ницца — Генуя были художественно неудовлетворительны...

Возникает впечатление обоюдного несоответствия между тем, что от меня ожидают, что я даю, и тем, что, в свою очередь, получает озадаченная публика.

Я так тоскую по твоим письмам.

Кроме Андзолетти¹⁹, в Италии нет никого, кто бы меня *знал* — на меня смотрят как на чужака. Между мной и итальянцами существует печальная дистанция, я слишком далеко и долго отсутствовал и представляю для них чужую культуру. —

Я напишу специальное предисловие к итальянскому изданию «Эстетики»²⁰...

Папа снова на ногах!!

*

Рим, 3 марта 1909 года

...Вчера слушал третий акт «Аиды». Это было трогательно, забавно, грустно и одновременно прекрасно.

Дамы, разодетые, словно манекены на витринах, и подпевающая мужская аудитория! Певец — это главное. Красивый голос, хорошая каденция, кураж, энтузиазм, замирания, вызовы на бис!...

*

[Рим, 6 марта 1909 года].

...Теперь я очень нервничаю во время поездок и постоянно чувствую, что время ускользает от меня (хотя даже в трудных обстоятельствах я использую его по максимуму).

Иногда это меня ожесточает (впрочем, не по отношению к *тебе*) и, следовательно, делает несправедливым.

Я постараюсь больше не быть таким и радоваться, если хорошо тебе. Я прилагаю все усилия, чтобы вести себя правильно в различных обстоятельствах, и это изрядно усложняет мою жизнь...

Конфликт между тем, что я хотел и мог бы сделать, и тем, чем я вынужден заниматься, очень утомляет и держит меня в постоянном напряжении.

Но, может быть, всё к лучшему, и кто знает, не сбережёт ли это энергию и даже не прибавит ли её!

Что же касается Бенни²¹, я снова подумал о нем...

Ленау²² — не чтение для него, это яд, как Шопенгауэр и другие обольщающие пессимисты. Он должен читать только то, что *вдохновляет*, а не обескураживает.

Пусть продолжает читать Шекспира, что воспитывает чувство формы, фантазию, и это настоящая литература.

В общем, всё, что не пессимистично и не эротично и, сверх того, достойно в *художественном* плане.

«Дон Кихот», поэзия Гёте, Клейст, Готфрид Келлер, «1001 ночь» (пусть и с эротикой, но на втором плане после чудесного), жизнь Бенвенуто [Челлини], Диккенс и Эдгар По, ранний Ибсен, немецкие романтики; только не эти мрачные головы и пособия самоубийств, не Ленау, Шопенгауэр, «Вертер», Леопарди — «суицидальный клуб» литераторов. —

Я написал небольшой *автобиографический* очерк на итальянском языке, занявший 4–5 листов бумаги и охватывающий 6 лет моей жизни, и отправил его Андзолетти. Это довольно забавно и отчасти с юмором...

Я так хочу домой!

*

[Болонья], воскресенье 7 марта 1909 года
...У меня были трудные дни, хотя и смягчённые очень тёплым приёмом повсюду...

Сгамбати²³ был очень добр ко мне и пригласил на завтрак. После сонаты Листа он поцеловал мне руку и сказал, что я напоминаю ему

Учителя гораздо больше, чем его действительные ученики...

Тальяпьетра²⁴ и Андзоветти вернулись в Болонью.

Сейчас время *выборов (le elezioni)*, и вся Италия взбудоражена. — Это всего лишь предвыборная агитация; как ни крути, страна не изменится...

Милая Герда, я пишу мало, потому что очень устал; думаю только о поездках, программах и конце поездки. Я отстранился от всего, и игра идёт неплохо, я практически совсем не играю руками²⁵. Эта манера повсюду производит сильное впечатление, *о чём* я и докладываю...

*

[Милан], 9 марта 1909 года

...Я только что вернулся после визита к Бойто²⁶. Возникла идея дать «Выбор невесты»²⁷ на итальянском языке, и я обратился к нему за советом. Бойто уже не молод и думает прежде всего, что ему самому ещё предстоит сделать.

Более того, теперь, спустя почти 40 лет (!), он, кажется, всерьёз подошёл к завершению своего «Нерона»²⁸.

Несмотря ни на что, он проявил дружеский интерес к тому, что услышал от меня. Ему показалось, что это дело довольно простое.

Мои взгляды совпадают с его убеждениями. О драматической музыке, о Вагнере. Он предрёк удачу моей работе.

Первая трудность и, пожалуй, самая значительная — это *перевод*. Действительно из-за этого можно потерять много времени. С другой стороны, он полагает, что интерес издателей и театров вполне обеспечен.

Это был приятный час в компании талантливого, остроумного и доброжелательного человека.

Вчера у меня был очень напряжённый день: четыре часа на дорогу и два часа на подготовку относительно новой программы. Концерт длился ещё два часа... «Воспринимать это легко» не получается — публика ожидает слишком многого, причём повсюду находятся авторитеты. Напротив, я прилагаю максимум усилий.

[Концерты] в Риме, Болонье и Милане были также весьма успешны. Сегодня я еду в Триест — ещё четыре остановки до Берлина!...

*

[Вена], 14 марта 1909 года

...С 4 марта я ежедневно в движении. Я дивлюсь собственной непоседливости.

4-го — концерт в Риме.

5-го — переезд в Болонью.

6-го — раннее прибытие и концерт.

7-го — второй концерт.

8-го — переезд в Милан и концерт.

9-го — переезд в Триест.

10-го — прибытие в полдень и концерт.

11-го — поездка в Фиуме (5 часов), концерт, после чего выезд в Пешт.

12-го — прибытие в полдень, вечером концерт.

13-го — отправился в Вену.

Успех в Пеште был таким же, как и везде в этом году...

Я настолько выбит из нормального режима, что толком не осознаю, в каком состоянии нахожусь. Полагаю, что я на пределе, судя по нынешней скудности мысли... но верю, что на четвёртый день пребывания дома я приду *к себе*.

Я не хотел оставлять тебя без известий, чувствовал необходимость тебе написать...

Я опять пишу тебе и всё ещё сегодня. Только что вернулся от Бёзендорфера. Я вспомнил, что он изготовил рояль (предназначенный мне), а я не удосужился его посмотреть²⁹. Мало-помалу я приучился использовать перерывы между поездками, и, несмотря на исключительную загруженность, мне захотелось порадовать милого старика. Я сам получил большое удовольствие, потому что инструмент необычайно хорош, большой и красивый.

Бёзендорфер мне показался *очень* бодрым и радостным, как ребёнок, но без малейшего намёка на ребячество. Пусть он ещё долго будет таким! И хотя я не очень люблю стариков, я должен сказать, что для меня было большим утешением обнаружить, в каком состоянии моя мать. Несмотря на слабость и всё более очевидную хрупкость, её ум остаётся ясным и живым, и она такая славная! Она напутствовала меня, вымолвив: «Я благословляю тебя, ты приносишь столько радости и оказываешь помощь

своей матери. Бог вознаградит тебя за это, и у тебя всё получится». —

От посещений Сгамбати и Бойто остались только прекрасные впечатления.

Можно сказать, что в старости пребывает истина, ибо обнажается суть всего человека, и недостаёт сил её скрывать.

Ах, я так устал и просто выбит из колеи своего прямого пути!...

*

*В Варезе*³⁰

[Берлин], 20 июля 1909 года

Сегодня вчерне наметил план трактата о *построении мелодии*. Ни на что нет времени! — Снова просмотрел «Вариации на тему Диабелли». Прекрасная задача...

*

В Варезе

[Берлин], 21 июля 1909 года

...Утром я аккуратно взял в работу этого старого негодяя Манассию³¹...

Дни проходят, словно лента «Фонолы»³²; при большом внимании вы сможете привнести в неё какой-то интерес и выразительность; но если не сосредоточиваться, то пропущенное уже не вернуть, и ролик закончится, почти не услышанный. — Сейчас я читаю Платона.

*

В Гарньяно на озере Гарда

[Берлин, 28 июля 1909 года]

Сегодняшний выпуск “Lokalanzeiger”³³ содержит новость о перелёте Блерио³⁴ через Ла-Манш. Я уже знаю добрых полдюжины имён таких “grandi uccelli”³⁵, и остаётся надежда, что новое поприще («орбита») отвлечёт молодёжь будущего от игры на фортепиано. Но евреи останутся верны фортепиано, потому что это безопасно, и ограничатся исполнением “Si oiseau j’étais, à toi je volerais!”³⁶.

...Возвращаясь к упомянутой птице: перелёт через Ла-Манш кажется мне прекрасным и важным деянием, но не превосходит подвиг Райтов³⁷; он просто более эффектен. —...

*

[Флоренция], 7 августа 1909 года

...Этот город не так прекрасен, как твердит молва. Вполне вероятно, что когда были возведены его основные здания, они казались оригинальными

и неслыханно пышными, особенно самим флорентийцам, которые никогда не страдали патриотической застенчивостью...

Купол собора — единственное, что ещё производит впечатление величия и неповторимости, особенно с такой благоприятной точки, когда видна перспектива семи несущих полусфер (то есть половина из них), забывая при этом о фасаде. — Скульптуры часто плохие, а лучшие из них спрятаны... Дома имеют превосходные пропорции и, будучи правильно изученными, могут способствовать улучшению современной городской архитектуры. Этим немало занимался Мессель³⁸. Только он застрял в своём времени, когда кокетничал с ампиром и бидермейером.

Расцвет духа в Тоскане был феноменальным, и только этим объясняется сегодняшний упадок.

В литературе: от Данте и Боккаччо до Кардуччи³⁹ —

в изобразительном искусстве: Джотто, Микеланджело, Леонардо, Бенвенуто [Челлини], Верроккьо, Донателло и ещё целый Млечный Путь звёзд меньшего масштаба —

в науке: Леонардо, Галилей, а также выдающиеся медики и юристы —

в музыке: от Гвидо, Монтеверди, Керубини до Пуччини (!).

Властители, кардиналы и папы, Макиавелли, а также великие полководцы, — к тосканцам можно причислить даже Наполеона Бонапарта. —

Сейчас же это народец поразительно безграмотных провинциальных торговцев, которых нежелание избавиться от предрассудков, устаревших обычаев и взглядов, от нелепого множества расхожих оборотов речи превращает в некий островок культуры. —

Но сама *страна* божественна...

Вот небольшой эпизод, достойный рассказа. Вчера вечером в ресторане «Бончиани» сидел всего один посетитель. Это был священник, носивший золотое пенсне и одевавшийся весьма тщательно, почти элегантно. На вид ему около пятидесяти, лицо свидетельствовало об изрядном уме, лысую макушку окружали причудливые пучки волос; он читал французскую

газету. — Он старательно заговорил со мной по-итальянски. Снаружи заиграл уличный оркестр, и официанты поспешили к выходу. “La puntualita del servizio e corrotta dall’ entusiasmo per l’arte”⁴⁰, — произнёс он, разворачиваясь ко мне.

Такое начало я нашёл довольно многообещающим, и беседа, завязавшаяся между нашими столами, продолжилась. 32 года тому назад он уже посещал Италию и сохранил об этом, по его выражению, “un dolce ricordo”⁴¹. Он подчеркнул, что тогда ещё не был священником, и я предположил, не задавая дальнейших вопросов, что здесь замешана женщина. «32 года назад! Вы тогда ещё не родились!» — повторил незнакомец. В этот момент старый официант, обслуживавший меня, сказал ему очень коротко и сухо: “Lei ha quarante due anni”⁴². Это меня как-то странно тронуло.

Затем священник приступил к восхвалению вина и выказал недюжинное риторическое красноречие.

“Questo vino non vale il lachrymae Christi, non vale il Falerno, non vale il vino di San Marino — ma e un vino pregevole”⁴³, — продолжал он. Я вспомнил об аббате Куаньяре⁴⁴. Наконец он перешёл к музыке и своему желанию стать композитором. Инжир был съеден, и я встал. “Arrivederla un giorno o l’altro”⁴⁵, — сказал я. «Нет», — решительно произнёс он, постучав пальцем по столу, — “questa sera”⁴⁶. (Хм...) «Не знаю», — ответил ему я, — «прощайте»; и откланялся...

*

[Базель], 12 августа 1909 года

Я сижу в гостинице «Три короля» в Базеле и, слава Богу, сегодня чувствую себя прекрасно. Солнечно, свежо и на улице, и в помещении, и я вновь улыбаюсь, словно выздоравливающий.

Поговорка, что необходимо быть соразмерно великим, дабы вынести величие (хотя бы и в виде наслаждения), справедлива повсюду: чтобы ощущать прелесть силы, нужно ею обладать. —

Температура и «чудовищная плодовитость» Италии оказались слишком могучими для того состояния, в котором я нахожусь.

Летом Италией можно наслаждаться только после отдыха, а не отдыхом как таковым — тог-

да это можно себе позволить. — Только так! — Но мне нужно было собраться с силами, а не напрягать их, и это меня почти подкосило. И всё же сегодня я ощущаю своего рода реакцию — хороший результат [от пребывания в Италии]. —

По дороге сюда я нашёл чудесное, пленительное издание «Влюблённого дьявола» Казотта⁴⁷.

Ничто так не располагает к чтению книги, как её надлежащее оформление. Эта книга, вышедшая в 40-х годах, буквально «приковывает» внимание читателя. — Так что я легко поддался соблазну Казотта и закончу его чтение ещё до возвращения домой.

Первая глава называется “Captivant”⁴⁸, что значительно шире по значению немецкого “fesselnd”⁴⁹ и порождает мысль о какой-то особой опере — или пантомиме.

Кто знает!? — «Влюблённый дьявол» — определённо красивое название. —

Дорогая Герда, я становлюсь добряком, когда думаю о тебе, обо всех вас, о моей комнате наверху и о «неопасной» Италии.

Я протащусь ещё через две станции или около того, и всё будет чудесно!

*

[Манчестер], 3 ноября 1909 года

...Манчестер выглядит как обычно. Внизу скользкая земля, чёрная и блестящая, оживляемая уродливыми людьми и грузовиками, которые Бог знает зачем существуют, едут, катятся и скрипят — гений веселья изгнан в недостижимые дали, — крыши и башни города призрачно исчезают в серой дымке. И зачем только на башнях установлены часы? Ведь циферблат всё равно никогда не разглядишь. — ...

Я чувствую в себе столько сил, творческой энергии и страдаю, что не могу этому сейчас и в должной степени найти применения.

Теперь осталось ещё немного небольших дел: издание Полонеза Листа⁵⁰, новой системы нотной записи⁵¹ и т. п.

Путешествие по пустыне в «Волшебнике»⁵² мне хотелось бы изобразить сценически, если это возможно: сначала, пожалуй, пусть будет пустая сцена с эффектными декорациями, затем появляется блуждающий, измученный

Кассем; возникают невидимые голоса духов, призывающие и предупреждающие колдуна и молодую женщину. Жаровня в первой сцене должна быть там с самого начала: вместо фокусника, извлекающего из неё золото (что не слишком впечатляет зрителей), вся жаровня может превратиться — посреди густого дыма — в великолепную золотую статую Будды.

Это и ещё другое предстоит обдумать, доработать и расширить, также и в репликах.

Что ты об этом думаешь?

Пришли мне, пожалуйста, экземпляр либретто для работы по дороге в Германию...

Я только и жду момента, когда моя нога ступит на землю Флиссингена⁵³...

*

[Кёльн], 8 ноября 1909 года

Поездка из Брэдфорда в Кёльн оказалась утомительной... Путешествие шло как по маслу, только туман сначала немного задержал. Мы отправились в путь под ясным небом, и я наслаждался, пожалуй, самым потрясающим зрелищем за всю свою жизнь. Это было грандиозное звёздное великолепие, и я погрузился в его созерцание. И — послушай! — вместо того, чтобы увидеть небо обычным образом, как вогнутую полусферу с маленькими светящимися дырочками в своде, я вдруг узрел пространство, уходящее бесконечно вверх, и парящие в нём планеты — выше и ниже, ближе и дальше, группами, каскадами, различной интенсивности, цвета и размера. Я был полностью захвачен, но, словно напоминание, что человек не имеет права проникать в такую тайну, внезапно со всех сторон поднялась стена тумана — и моя тень упала на неё! Незабываемое переживание.

И ещё мне был также подарен целый ряд маленьких радостей... В Лондоне я увидел замечательный портрет великого Питта⁵⁴ — никогда прежде я не встречал такого ясного и умного взгляда. Я близок к мысли, что экономика природы устроена наподобие распространения богатства на земле. Тысячи могут быть ущемлены, чтобы кто-то один оказался исключительно одарённым. То есть (если я не ясно выразился) — человечеству отпущено определённое количество интеллекта, и он распределяется неравномерно.

Сегодня я наконец-то получил первый акт «Выбора невесты» в переводе Андзолетти. Он необыкновенно хорош. Язык превосходный, а понимание потрясающее. Светлая голова! С небольшими поправками он будет приспособлен к музыке, и, возможно, с итальянским языком она будет звучать ещё лучше... Похоже, «Выбору невесты» повезло. Также Эгон⁵⁵ по своей воле вызвался сделать клавиш, что для меня чрезвычайно важно.

Жаль, что я не могу сейчас спокойно и настойчиво довести всё до конца! Одно это причиняет мне боль.

Знаешь ли ты, что сонет Петрарки⁵⁶ имел большой успех в Гевандхаузе? Сениус⁵⁷ его исполнил.

О, Колумб!!...

*

[Будапешт], 3 декабря 1909 года

Во время ночного переезда из Берлина в Вену, с 30 ноября на 1 декабря, я встретил господина Герцку⁵⁸. Я долго наблюдал, как этот безошибочно узнаваемый австрийский деятель метался взад и вперёд, его чрезвычайно подвижная фигура — волосы и борода, галстук и пальто — всё пребывало в непрерывном трепетном движении. Наконец он не выдержал и представился: «Герцка, директор издательства Universal Edition, Вена». — Наш разговор продолжался до поздней ночи, и мы обнаружили, что у нас много общего. Мы говорили о второй части «Хорошо темперированного клавира», о «Выборе невесты» и, наконец, о Шёнберге. Он хотел сделать для меня всё, что в его силах.

Рано утром в Вене меня навещил Бёзендорфер. Он был свеж и умён, сердечен и открыт: его визит меня очень обрадовал...

А вечером на концерте — прискорбное впечатление от старого и больного Капфа⁵⁹, которому я подарил 100 гульденов. Я не мог видеть его страданий, и у меня было такое чувство, будто я выплачиваю долг... Успех был огромным. Меня вызывали шесть раз.

На следующий день ранним утром отправился в Пешт. Играл здесь исключительно хорошо...

А теперь — в Лемберг и вскоре опять в Берлин; это, пожалуй, чересчур для двух дней; я

вымотан и выбит из колеи, при этом основательно выкладываюсь в игре (особенно здесь). Как же в жизни всё накапливается, чем дальше по ней следуешь!

Сколько же всего было за эти два дня! Они кажутся двумя неделями. Большое, но тяжкое достояние. Люди многое забирают, думая, что отдают. Верю, что вскоре я созрею для одиночества...

Крепко целую тебя мысленно, ибо ты одна остаёшься опорой во всей этой неразберихе...

*

1909 год завершился для Бузони в пути: на борту трансатлантического лайнера «Барбаросса», направлявшегося в Нью-Йорк. В краткой, но многозначительной заметке от 31 декабря он подвёл итоги:

«Взгляд назад — насыщенный событиями год — прощание с прошедшими сорока двумя годами.

[Новое] начало» [Цит. по: 8. Р. 293].

6 и 7 января он уже играл в Карнеги-холле под управлением Густава Малера. Пятый концерт Бетховена. Четырёхмесячным изнурительным турне по Соединённым Штатам⁶⁰ начинался новый, ещё более интенсивный 1910 год.

Примечания

- ¹ Краткий обзор процесса изучения эпистолярного наследия Бузони дан в моей статье: «Из эпистолярного наследия Ферруччо Бузони: Письма из США» [1].
- ² Сохранившийся корпус писем насчитывает 851 документ, представляет собой самую обширную и значительную по содержанию часть переписки Бузони и охватывает период с весны 1889 года по июль 1923 года.
- ³ Вайндель, Мартина (*Weindel, Martina*; р. 1965) — немецкий музыковед, автор исследования “Ferruccio Busonis Ästhetik in seinen Briefen und Schriften” [9]. Чрезвычайно плодотворна её деятельность в качестве редактора и публикатора эпистолярного наследия Бузони [См.: 1. С. 204–205].
- ⁴ Переводы всех иноязычных текстов принадлежат автору данной статьи.
- ⁵ Программы цикла включали современную и редко исполняемую музыку. В упомянутом концерте прозвучали: Симфония ре минор Франка, Увертюра к «Дон-Жуану» Моцарта (с заключением Бузони), Интродукция и Рондо для скрипки и фортепиано Шуберта (в оркестровой редакции А. Бирнбаума), Скерцо Бартока (под управлением автора) и *Salve Polonia* (S 518) Листа.
- ⁶ Возвращение в город детства всегда вызывало у Бузони сложные чувства. Он так объяснял своё душевное состояние: «Нет ничего хуже, чем оглядываться назад и чем места, люди и факты, которые заставляют тебя это делать. Со мной подобное случается редко, и я это не люблю, но тут как раз такой случай. Поэтому я чувствую себя неудобно, словно меня ночью перебросили с главного пути на какой-то полустанок, где и поезда то не ходят. Это прерывание моего настоящего „я“, которое там, в мире, известно, активно и устремлено в будущее, в то время как здесь состарившийся ребёнок переносится на 25 лет назад, в застоявшуюся среду своего детства!» [4. S. 107].
- ⁷ Фердинандо Бузони умер 12 мая 1909 года, 3 октября за ним последовала Анна Вейсс-Бузони. Памяти отца Бузони посвятил *Fantasia nach Johann Sebastian Bach, for piano* (BV 253), памяти матери — *Berceuse élégiaque, for orchestra* (BV 252a).
- ⁸ Бузони давно вынашивал планы создания национальной итальянской оперы, сюжет которой основывался бы на биографии выдающейся личности из итальянской истории, и остановил выбор на фигуре Леонардо да Винчи. К этому решению его склонило чтение книги «цивилизованного варвара» (слова Бузони) Д. С. Мережковского — «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901). В письме от 13 сентября 1908 года он сообщал

жене: «Мне нужно перечитать (и дочитать) этого Мережковского. Мне показалось, что Леонардо мог бы стать желанным персонажем моей итальянской оперы. История семьи Сфорца обширна, и Леонардо можно было бы сделать центральной фигурой, подобно Гансу Саксу в „Мейстерзингерах“. <...> Личность и эпоха Леонардо привлекают всё больше моё внимание — они кажутся мне самой достойной национальной темой. Вероятно, я продолжу её и попытаюсь построить на этой основе новое, более совершенное театральное и музыкальное искусство» [4. S. 160–161]. Как отмечает Э. Дент, Бузони «начинал видеть в Леонардо „итальянского Фауста“» [8. Р. 174]. Впоследствии замысел претерпел трансформацию: национальный сюжет, связанный с да Винчи, не нашёл осуществления, а универсальная, всеевропейская тема Фауста стала всё больше занимать композитора и воплотилась в его последнем неоконченном опусе — опере «Фауст».

⁹ Имеется в виду пьеса “Nuit de Noël. Esquisse” (BV 251), посвящённая ученице Бузони, пианистке и педагогу Фриде Киндлер (*Frida Carola Johanetta Kindler*; 1879–1964). Пьеса опубликована издательством *Durand et Fils* (Paris, 1909).

¹⁰ Перевод: «красноречия» (фр.).

¹¹ «Я поместил Лафит после Мутон-Ротшильда лишь из уважения к его возрасту, не желая нарушать естественный порядок, тем более что мэтр (то есть я) отдал законное предпочтение Лафиту: но, между нами говоря, я нахожу, что Ротшильд его превосходит» (фр.).

¹² Эрар (*Erard*) — старейшая французская фортепианная фабрика.

¹³ В обаятельной «вставной новелле» о старом музыканте чувствуется несомненное влияние повествовательного стиля Э. Т. А. Гофмана, творчеством которого Бузони горячо заинтересовался, работая над оперой «Выбор невесты». По наблюдению Э. Дента, благодаря этой увлечённости, «фантастические переживания оставляли неизгладимый след в его сознании; эпизоды, которые другим могли показаться незначительными, часто поражали его и оставались в памяти, как события, могущие произойти только в рассказах Гофмана» [8. Р. 197].

¹⁴ «Лучи и тени» (“*Les rayons et les ombres*”; 1840) — сборник стихов В. Гюго.

¹⁵ Цитируется стихотворение IX “*A Mademoiselle Fanny de P.*”. Приведу перевод В. Бенедиктова:

«О судьбе не погружайся в думу!
Даль темна. Среди земных явлений
Наша жизнь — увы — немножко шуму
В грустном мире, где так много тени».

¹⁶ Строка из стихотворения XXXI «Встреча» (“*Rencontre*”), повествующего о нищенствующих беспризорных детях. Перевод: «Когда Бог сотворил их, эти красные руки были розовыми».

¹⁷ Цитируются завершающие фразы стихотворения XX «У статуи Давида» (“*Au statuaire David*”), посвящённого высокому предназначению художественного творчества. Перевод: «То, что эти люди создают или разрушают в потёмках, не стоит твоего взгляда, возведённого к небесам. <...> Они, рабы карликов, ты, отец колоссов!»

¹⁸ Шмидт, Леопольд (*Schmidt, Leopold*; 1860–1927) — немецкий историк музыки и дирижёр, музыкальный обозреватель газеты “*Berliner Tageblatt*”.

¹⁹ Андзолетти, Эмилио (*Anzoletti, Emilio*; 1874–1951) — итальянский инженер, виолончелист-любитель и друг Бузони.

²⁰ Имеется в виду предисловие к трактату «Эскиз новой эстетики музыкального искусства». В письме к Андзолетти от 1 марта 1909 года имеется проект текста этого предисловия. Приведу его перевод:

«Обращаясь к Италии, лучше всего сначала сузить границы, которые стремится охватить заключение этой брошюры, подобно тому, как человек, долго созерцавший небесный свод, опускает взгляд и устремляет его к земле, чтобы увидеть лишь узкий горизонт вокруг себя. Развитие музыкального искусства в нашей стране колеблется между недавними влияниями Вагнера и ещё более недавними влияниями французской школы, с одной стороны, и, в противовес им, в потоке витают, едва касаясь поверхности, крылатые слова великого человека: „Вернемся к прошлому“.

Хотя я рад признать, что Вагнер вызвал большой резонанс в Италии, но не могу, однако, утверждать, что его музыка „подходит нам по крови“, и наши композиторы, по всей видимости, не выиграли от этого. Французы — более близкие нам по расе — лучше преуспели в доминировании над нами, что продемонстрировали наши самые прославленные из ныне живущих мастеров. Именно определённая утрата уверенности в себе перед лицом иностранных технических чудес толкает нас к присвоению этих качеств. Между тем, итальянская натура фактически восстаёт против формы самовыражения, свойственной другой, противоборствующей расе.

Таким образом, мы боимся быть итальянцами, не будучи германцами; ибо то, что мы получаем от французов, не превышает ценности подражания, ценности всегда негативной; это влияние, по сути, делает нас менее искренними и более слабыми, заменяя благоухание земли искусственным ароматом.

Другое направление, движущееся к девизу Верди, пока, как мне кажется, не обрело никакого смысла, кроме чисто теоретического. Это боевой клич пацифистов. И что бы это значило: „Вернёмся к прошлому“? Керубини в своей книге о контрапункте говорит о „старых“ правилах. А теперь он и сам стал историей. К какой же древности нам следует обратиться? К Палестрине? Чимарозе? Доницетти? [sic]

Любой, кто ценит прошлое, может перечитывать, слушать и восхищаться произведениями былых времён, и поэтому первым шагом было бы взять партитуры Монтеверди, Каччини и вернуть их на сцену.

Такой эксперимент, безусловно, был бы полезен: мы не вернулись бы к прошлому, но новое искусство могло бы опираться на древние истоки, оставаясь при этом итальянским. Девиз, который необходим сейчас и всегда, будет: „Давайте двигаться вперёд и оставаться итальянцами“»[6].

Фраза, с которой полемизирует Бузони, взята из письма Дж. Верди к Франческо Флоримо от 5 января 1891 года: “Torniamo all’antico, sarà un progresso” («Вернёмся к прошлому — это будет прогрессом») [2. С. 180].

²¹ Имеется в виду сын Ферруччо Бузони — Бенвенуто (1892–1976).

²² Ленау, Николаус (*Lenau, Nikolaus*; 1802–1850) — австрийский поэт-романтик, в стихах которого преобладают меланхолические настроения.

²³ Сгамбати, Джованни (*Sgambati, Giovanni*; 1841–1914) — итальянский пианист, дирижёр и композитор, ученик Ференца Листа.

²⁴ Тальяпьетра, Джино (*Tagliapietra, Gino*; 1887–1954) — итальянский пианист, композитор и музыкальный педагог, ученик Бузони.

²⁵ Фраза Бузони «я практически совсем не играю руками» (“fast gar nicht mehr mit den Händen”) требует комментариев. К. А. Мартинсен усматривал в исполнительском искусстве Бузони абсолютное воплощение особой, экспансивной (экспрессионистской) звуковтворческой воли, которой свойственен «отход от всякой чрезмерности и необузданности экстастика к строгости, к „объективному духу“» [3. С. 114–115]. Берлинский музыкальный критик А. Вайсманн (*Weißmann, Adolf*; 1873–1929) отмечал: «Виртуозность Бузони достигла своего пика около 1900 года, сочетая в себе высочайший блеск и неповторимость, обусловленную господством духа. Идея единства искусств проецировалась на клавиши. Но стремление к самовыражению оставалось сильным. Были достигнуты неслыханные градации туше, невероятная отточенность ритма, певучее легато принципиально исключалось и существовало лишь как бы случайно, но педаль оказалась так интегрирована в совокупный художественный эффект, как никогда ранее. Бузони не играл романтично, потому что воспринимал романтическое чувство как косность и ограниченность» [11. С. 890]. Таким же непривычным воспринимался пианизм Бузони — предельно точный, строгий, экономный, выстроенный «совершенно вопреки всем традициям, с фиксированным предплечьем, под контролем мозга» [11. С. 889]. Вероятно, именно это и имел в виду Бузони, говоря, что «совсем не играет руками».

²⁶ Бойто, Арриго (*Boito, Arrigo*; 1842–1918) — итальянский композитор и поэт, автор оперы «Ме-

фистофель» (1868) на сюжет «Фауста» Гёте и либретто к операм Джузеппе Верди «Отелло» и «Фальстаф».

²⁷ Над комико-фантастической оперой в трёх актах с эпилогом «Выбор невесты» (“*Die Brautwahl*”, BV 258) по сказке Э. Т. А. Гофмана Бузони работал с 1906 года. Премьера состоялась 12 апреля 1912 года в Гамбургской опере.

²⁸ А. Бойто не успел закончить свою оперу, над которой работал 48 лет. «Нерон» был поставлен в Ла Скала 1 мая 1924 года в редакции А. Тосканини и В. Томмазини.

²⁹ Бёзендорфер, Людвиг (*Boesendorfer, Ludwig*; 1835–1919) — управляющий австрийской фортепианной фирмой “*Bösendorfer*”. Бузони сделал предложения по усовершенствованию механизма фортепиано, и они были применены в конструкции рояля *Bösendorfer Imperial*.

³⁰ Варезе — город в Ломбардии (Италия). Герда Бузони приехала туда на отдых, который затем продолжился на озере Гарда.

³¹ Персонаж оперы «Выбор невесты».

³² «Фонола» (*Phonola*) — разновидность механического фортепиано, выпускавшаяся лейпцигской фирмой *L. Hupfeld* в начале XX века.

³³ “*Berliner Lokal-Anzeiger*” — берлинская ежедневная газета.

³⁴ Блерио, Луи (*Blériot, Louis*; 1872–1936) — французский изобретатель, авиатор и предприниматель. Упомянутый Бузони перелёт через Ламанш осуществлён 25 июля 1909 года.

³⁵ Перевод: «больших птиц» (итал.).

³⁶ “*Si oiseau j’étais, à toi je volerais!*” («Если б я был птичкой, то полетел бы к тебе») — название известного Этюда ор. 2 № 6 А. Гензельта.

³⁷ Братья Уилбер Райт и Орвилл Райт (*Wright, Wilbur* (1867–1912) и *Wright, Orville* (1871–1948)) — первые американские авиаторы.

³⁸ Мессель, Альфред (*Messel, Alfred*; 1853–1909) — немецкий архитектор, по проекту которого построено здание Пергамон-музея на Музейном острове в Берлине.

³⁹ Кардуччи, Джозуэ (*Carducci, Giosuè*; 1835–1907) — итальянский поэт XIX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1906).

⁴⁰ «Пунктуальность обслуживания подпорчена энтузиазмом к искусству» (итал.).

⁴¹ Перевод: «приятные воспоминания» (итал.).

⁴² «Им сорок два года» (итал.).

⁴³ «Это вино не стоит „Слёз Христовых“, не так хорошо, как Фалерно, и не лучше вин Сан Марино, но это вполне достойное вино» (итал.).

⁴⁴ Персонаж романа А. Франса «Суждения господина Жерома Куаньяра» (“*Les Opinions de Jérôme Coignard*”, 1893), библиотекарь и учёный, дискутирующий по различным социальным и философским вопросам.

- ⁴⁵ «Как-нибудь увидимся» (итал.).
- ⁴⁶ «Сегодня вечером» (итал.).
- ⁴⁷ Казотт, Жак (*Cazotte, Jacques*; 1719–1792) — французский писатель, поэт и философ, автор повести «Влюблённый дьявол» (“*Le Diable amoureux*”, 1772), ставшей образцом французской предромантической прозы.
- ⁴⁸ *Captivant* (фр.) — привлекательный, пленительный, очаровательный.
- ⁴⁹ *Fesselnd* (нем.) — увлекательный, захватывающий, привлекательный.
- ⁵⁰ Обработка Полонеза № 2 ми мажор (S. 223) Ф. Листа вышла в Берлине в издательстве *Simrock* в 1909 году (№ 12 604) под титулом: *Franz Liszt. Polonaise № 2. E-Dur. Nouvelle Edition, augmentée d’une cadence finale, par Ferruccio Busoni*. В списке обработок Бузони имеет номер BV B 64.
- ⁵¹ Предложенная Бузони новая система нотации основана на рисунке фортепианной клавиатуры [См.: 7].
- ⁵² Имеется в виду либретто под названием «Могущественный волшебник» (“*Der mächtige Zauberer*”, 1905), созданное Бузони по новелле французского писателя и социолога Жозефа Артюра де Гобино (*Joseph Arthur comte de Gobineau*; 1816–1882) “*L’illustre magicien*” из сборника «Восточные новеллы» (“*Nouvelles Asiatiques*”, 1876).
- ⁵³ Флиссинген — портовый город в Нидерландах.
- ⁵⁴ Питт, Уильям Старший, 1-й граф Чатам (*Pitt, William*; 1708–1778) — британский государственный деятель, военный министр в годы Семилетней войны и премьер-министр Великобритании с 1766 по 1768 год.
- ⁵⁵ Петри, Эгон (*Petri, Egon*; 1881–1962) — выдающийся пианист, ученик, друг и последователь Бузони, пропагандист его творчества, соредатор Собрании клавирных произведений И. С. Баха.
- ⁵⁶ Лист Ф. Сонет № 104 Петрарки (S. 270, № 1); транскрипция Бузони для тенора и оркестра (BV B 63) опубликована в издательстве *G. Schirmer* (New York, 1911).
- ⁵⁷ Сениус, Феликс (*Senius, Felix*; 1868–1913) — немецкий камерный певец, тенор. Учился в Санкт-Петербургской консерватории, сотрудничал с Г. Малером. Гевандхауз (*Gewandhaus*) — концертный зал в Лейпциге.
- ⁵⁸ Герцка, Эмиль (*Hertzka, Emil*; 1869–1932) — венский музыкальный деятель, директор издательства *Universal Edition* (1907–1932).
- ⁵⁹ Капф, Отто фон (*Kapff, Otto von*; 1855–1918) — немецкий журналист и поэт, знаком с Бузони с 1878 года. На стихи Капфа Бузони написал “*Lied der Klage*” op. 38 (BV 94).
- ⁶⁰ Письма к жене, отправленные во время этого тура, опубликованы в моей статье «Из эпистолярного наследия Ферруччо Бузони: Письма из США» [1].

Список литературы

References

1. Бородин Б. Б. Из эпистолярного наследия Ферруччо Бузони: Письма из США // Научный вестник Московской консерватории. 2024. Т. 15. Вып. 2. С. 200–227.
Borodin B. B. Iz epistol'arnogo naslediya Ferruchcho Buzoni: Pis'ma iz SSHA [From the Epistolary Heritage of Ferruccio Busoni: Letters from the USA]. *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii*. 2024, Vol. 15, Iss. 2, pp. 200–227 (In Russ.).
2. Верди Дж. Избранные письма. Л.: Музыка, 1973. 352 с.
Verdi G. Izbrannye pis'ma [Selected letters]. Leningrad, Muzika, 1973, 352 p. (In Russ.).
3. Мартинсен К. А. Индивидуальная фортепианная техника на основе звукотворческой воли / Ред. Г. М. Коган. М.: Музыка, 1966. 220 с.
Martienssen C. A. Individual'naya fortepiannaya tekhnika na osnove zvukotvorcheskoj voli [Individual piano technique based on sound-creating will]. Ed. G. M. Kogan. Moscow, Muzika, 1966, 220 p. (In Russ.).
4. *Busoni F. Briefe an seine Frau. Erlenbach; Zürich; Leipzig: Rotapfel-Verlag, 1935. 404 S.*
Busoni F. Briefe an seine Frau [Letters to his wife]. Erlenbach; Zürich; Leipzig, Rotapfel-Verlag, 1935, 404 p. (In German)
5. *Busoni F. Entwurf einer neuen Ästhetik der Tonkunst. Leipzig: Insel-Verlag, 1916. 48 S.*
Busoni F. Entwurf einer neuen Ästhetik der Tonkunst [Draft of a new aesthetics of music]. Leipzig, Insel-Verlag, 1916, 48 p. (In German)
6. *Busoni F. Florilegio dalle lettere*. Режим доступа: <https://www.rodoni.ch/busoni/books/letterericordi/florilegio.html#Anchor-80-35882> (Дата обращения: 22.07.2025).
Busoni F. Florilegio dalle lettere [An anthology from the letters]. Available at: <https://www.rodoni.ch/busoni/books/letterericordi/florilegio.html#Anchor-80-35882> (Accessed: 22.07.2025). (In Italian)
7. *Busoni F. Versuch einer organischen Klavier-Noten-Schrift: praktisch erprobt an Joh. Seb. Bachs Chromatischer Phantasie in D-moll. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1925. 15 S.*
Busoni F. Versuch einer organischen Klavier-Noten-Schrift: praktisch erprobt an Joh. Seb. Bachs Chromatischer Phantasie in D-moll [Attempt at an organic piano notation: practically tested on Joh. Seb. Bach's Chromatic Fantasy in D minor]. Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1925, 15 p. (In German)

8. *Dent E. J.* Ferruccio Busoni: A Biography. London: Eulenburg Books, 1974. 368 p.
Dent E. J. Ferruccio Busoni: A Biography. London, Eulenburg Books, 1974, 368 p. (In Engl.)
9. *Weindel M.* Ferruccio Busonis Ästhetik in seinen Briefen und Schriften. Wilhelmshaven: Heinrichshofen-Bücher, 1996. 244 S.
Weindel M. Ferruccio Busonis Ästhetik in seinen Briefen und Schriften [Ferruccio Busoni's Aesthetics in his Letters and Writings]. Wilhelmshaven, Heinrichshofen-Bücher, 1996, 244 p. (In German)
10. *Weindel M.* Vorwort // Busoni F. Briefe an Henri, Katharina und Egon Petri. Wilhelmshaven: F. Noetzel, 1999. S. 7–13.
Weindel M. Vorwort [Foreword]. *Busoni F. Briefe an Henri, Katharina und Egon Petri.* Wilhelmshaven, F. Noetzel, 1999, pp. 7–13. (In German)
11. *Weissmann A.* Ferruccio Busoni † // Die Musik. Jahrgang XVI. Heft 12. S. 887–893.
Weissmann A. Ferruccio Busoni †. *Die Musik.* Jahrgang XVI, Heft 12, pp. 887–893. (In German)

Об авторе

Бородин Борис Борисович

Уральская государственная консерватория
имени М. П. Мусоргского

- заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства
- доктор искусствоведения, профессор

Россия, Екатеринбург

bbborodin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5297-4064

SPIN-код: 6431-4577

About the author

Boris B. Borodin

Ural State Conservatory named after M. P. Mussorgsky

- Head of the Department of History and Theory of Performing
- Ph.D. of Art History, Professor

Russia, Yekaterinburg

bbborodin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5297-4064

SPIN-код: 6431-4577